

Рудковский И.В.

ТИПЫ ЗОНИРОВАНИЯ В АНДРОНОВСКИХ ОРНАМЕНТАХ КАК КУЛЬТУРНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ

В статье анализируются проблемы дифференцирования андроновских археологических памятников. Структура андроновского орнамента рассматривается, как основа анализа. Выделяются специфические орнаментальные элементы, согласно которым определяются субкультурные территории.

Ключевые слова: андроновская культура, сосуд, орнамент.

В настоящей статье автор продолжает излагать результаты исследований, связанных с изучением формальных структур андроновских орнаментов. В предыдущих работах этой направленности предлагались методы выявления генетического единства в среде алакульской орнаментики и, отдельно, в среде орнаментики федоровской. Эти методы базировались, прежде всего, на типологии различных симметрий и континуумных матриц [Рудковский, 1997, с.119-125; 2003, с.7-16; 2005, с.166-177]. На основе этих методов было выявлено поле несовместимости между двумя андроновскими орнаментальными культурами.

Наряду с этим, была выявлена группа признаков, четко разделивших массив алакульских памятников на две субкультурных группы, которые, в свою очередь, столь же четко взаимообособились и территориально. Важнейшие из этих признаков заложены в способах зонирования орнамента на керамических сосудах. Эта тема уже фигурировала в печати [Рудковский, 1989, с.47-55], но за истекшее время появились новые аргументы в пользу версии о бинарности андроновских орнаментов, которая подразумевает, что распределение отдельных бордюров относительно определенных зон сосудов, содержит потенциально важную культурологическую информацию. Можно согласиться с А.В. Матвеевым, что по этому вопросу слишком мало конкретных исследований [Матвеев, 1998, с.262-266]. Дело, разумеется, не только в количестве публикаций.

Сама по себе тема находится в таком состоянии, что ее раскрытие и решение должны базироваться не только (и не столько) на частностях (отдельно взятый комплекс, отдельный регион, или даже одна отдельно взятая культура), но, главным образом, на самом широком фоне из общих представлений об андроновской орнаментике в целом. Важность частных исследований необходима, но они должны представлять собой не замкнутую систему, а быть “взвешены” в общем контексте, а такой контекст еще предстоит сформировать и нельзя сказать, что для этого нет достаточного материала и важных, хотя и не до конца систематизированных, наблюдений.

Начнем с утверждения, которое не требует развернутой аргументации, что разработка объявленной темы должна базироваться на рассмотрении орнаментальных композиций на максимально сложных керамических формах – горшках. Только на них мы можем фиксировать все степени сложности орнаментальных текстов: от нуля до максимума. На более примитивных формах то же разнообразие совершенно исключено.

Первое, что необходимо определить, это *виды зонирования* – инварианты, без учета их удельной значимости в общем орнаментальном контексте. Состав вида должен складываться из количества бордюров на сосуде в целом, их привязки к определенным зонам, а так же количества бордюров в каждой из зон. При формировании видов-инвариантов учитывались некоторые допуски, суть которых в некотором упрощении этого процесса во из-

бежание излишней пестроты в результатах.

Первое – при построении схем зонирования принимались во внимание бордюры только первого плана. Разного рода “разделители” в виде горизонтальных линий, угловых отступов, желобков, мелких зигзагов и т.п. не учитывались.

Второе – в схемах не учитывалась донная и придонная орнаментация. Исключение этих зон из схем может показаться спорным и, вероятней всего, в отдельных случаях эти зоны могут иметь при определенном ракурсе исследований важное значение, но в целом мы должны признать, что главный композиционный блок, самый значительный и в плане зрительного восприятия и, вероятнее всего, с точки зрения семантической значимости, дислоцируется в верхней части сосуда, в зонах шейки и верхней части тулова.

Третье – утверждая, что андроновские композиции составлены из бордюров, мы при этом допускаем определенную условность. Дело в том, что в андроновских композициях довольно регулярно, чаще всего на тулове, помимо *собственно бордюров* фигурируют так называемые *орнаменты*. В симметрологии эту разновидность геометрической симметрии, согласно которой исходная фигура транслируется не только по горизонтали (как в бордюрах), но и по вертикали, называют именно орнаментом [Тарасов, 1982, с.29-36]. Этот термин математиками выбран, возможно, не слишком удачно и не имеет ничего общего с его трактовкой в искусствоведении, но для определения данных структур другого обозначения, увы, нет. В андроновской орнаментике к этому классу относятся, чаще всего, горизонтальные и вертикальные пачки зигзагов. В настоящей работе эти образования трактуются как бордюры соответственно шестого и второго типов в некоем мультиплетном варианте, когда множество стандартных единиц воспринимается как один стандарт.

Приняв во внимание эти допуски, мы выстраиваем схемы видов зонирования в виде черных горизонтальных полос, символизирующих бордюры, нанесенных на контур условного горшка. Таких моделей (по терми-

нологии А.В. Матвеева) видов зонирования выделено шестнадцать (рис.1).

Нельзя сказать, что это число окончательное, но можно утверждать – любое из вновь открытых “недостающих звеньев” этого ряда количественно будет исчезающе мало.

Такая основа для классификации по видам зонирования может и представляет безусловный интерес для исследования андроновских орнаментальных комплексов. Однако может встать вопрос: являются ли эти виды собственно андроновскими, ведь многие из них характерны и для других культур. Другими словами, встает проблема возможности определения на основе выделенных видов собственно андроновского типа – инварианта.

Ключевой здесь стала отмеченная еще на заре исследований андроновских древностей одна весьма любопытная деталь. Впервые на нее обратили внимание при выделении алакульской культуры [Сальников, 1967, с.284; Маргулан и др. 1966, с.67; Кузьмина, 1985, с.29]. Речь идет о так называемой пустой зоне в нижней части шейки горшка. До сих пор остается открытым вопрос, в силу каких причин эта зона стала “табуирована” для орнаментации, но эта проблема уже из области семантики, а с точки зрения синтактики можно утверждать, что признак “пустой зоны” является действительно чисто андроновским. Но этот признак оказался довольно “капризным”.

Поначалу признак пустой зоны трактовался как алакульский и даже собственно алакульский (надо заметить, что и поныне эта точка зрения достаточно расхожа), однако в дальнейшем, особенно после нахождения огромного количества алакульских памятников вплоть до Иртыша, выяснилось, что этот признак как будто не столь универсален. Сегодня можно уверенно заявлять, что в алакульских орнаментальных комплексах Центрального Казахстана, Прииртышья и значительной части Южного Казахстана и Средней Азии признак “пустой зоны”, как регулярное явление, отсутствует. Единичные находки здесь керамики с этим признаком (мог-ки Сангру-II, Акмола, Майтан и некоторые другие) только усиливают ощущение его

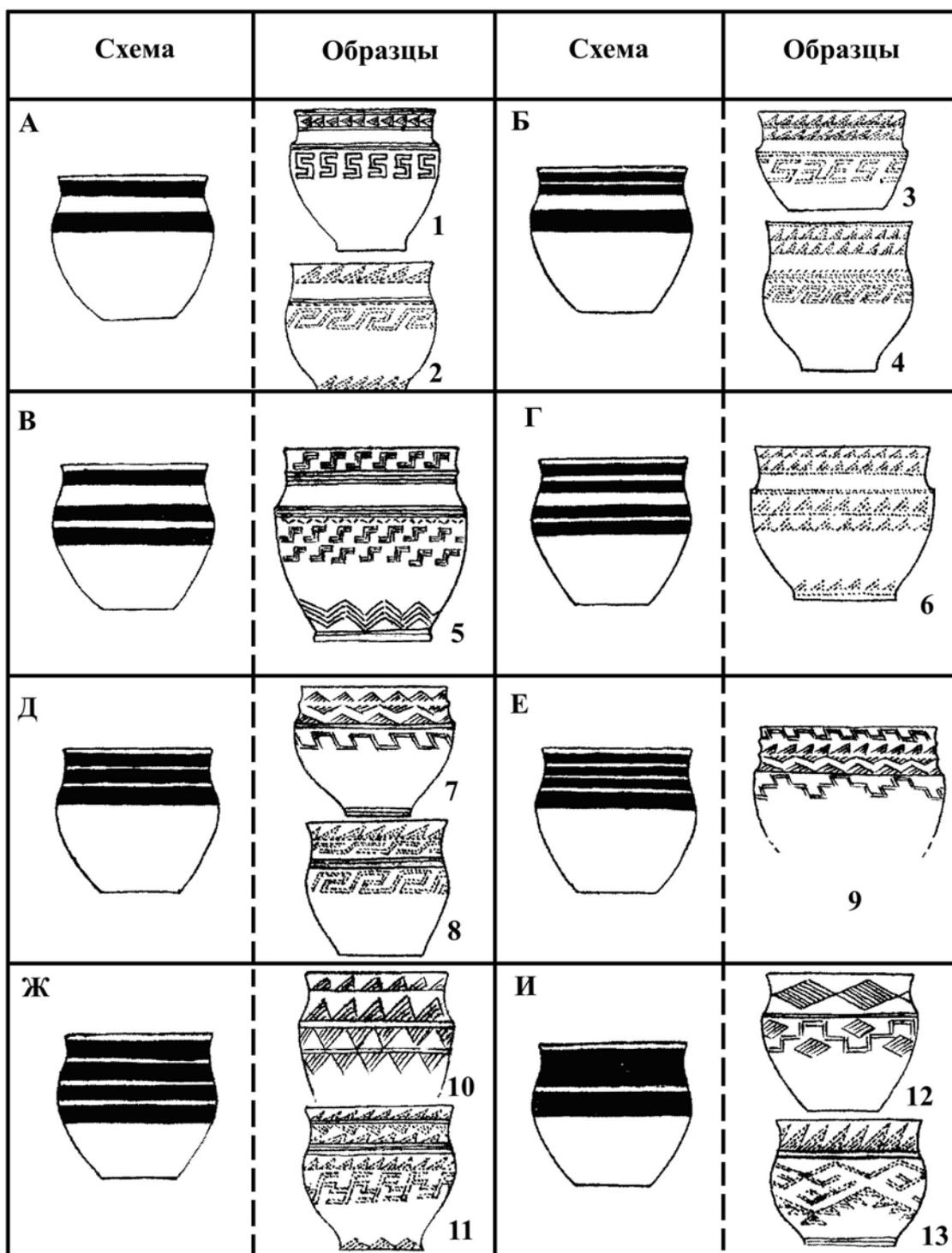

Рис. 1. Мотивы зонирования в андроновской орнаментике: 1-4, 6, 8, 13 – мог. Лисаковский; 5 – из мог. близ Челябинска; 7, 9, 10, 12 – мог. Майтан; 11 – мог. Айшрак.

Fig. 1. Motives of division to zone in Andronovsky ornamental system: 1-4, 6, 8, 13 – necropolis Lisacovsky; 5 – from necropolis near Chelyabinsk, 7, 9, 10, 12 – necr. Mitun; 11 – necr. Ishrack.

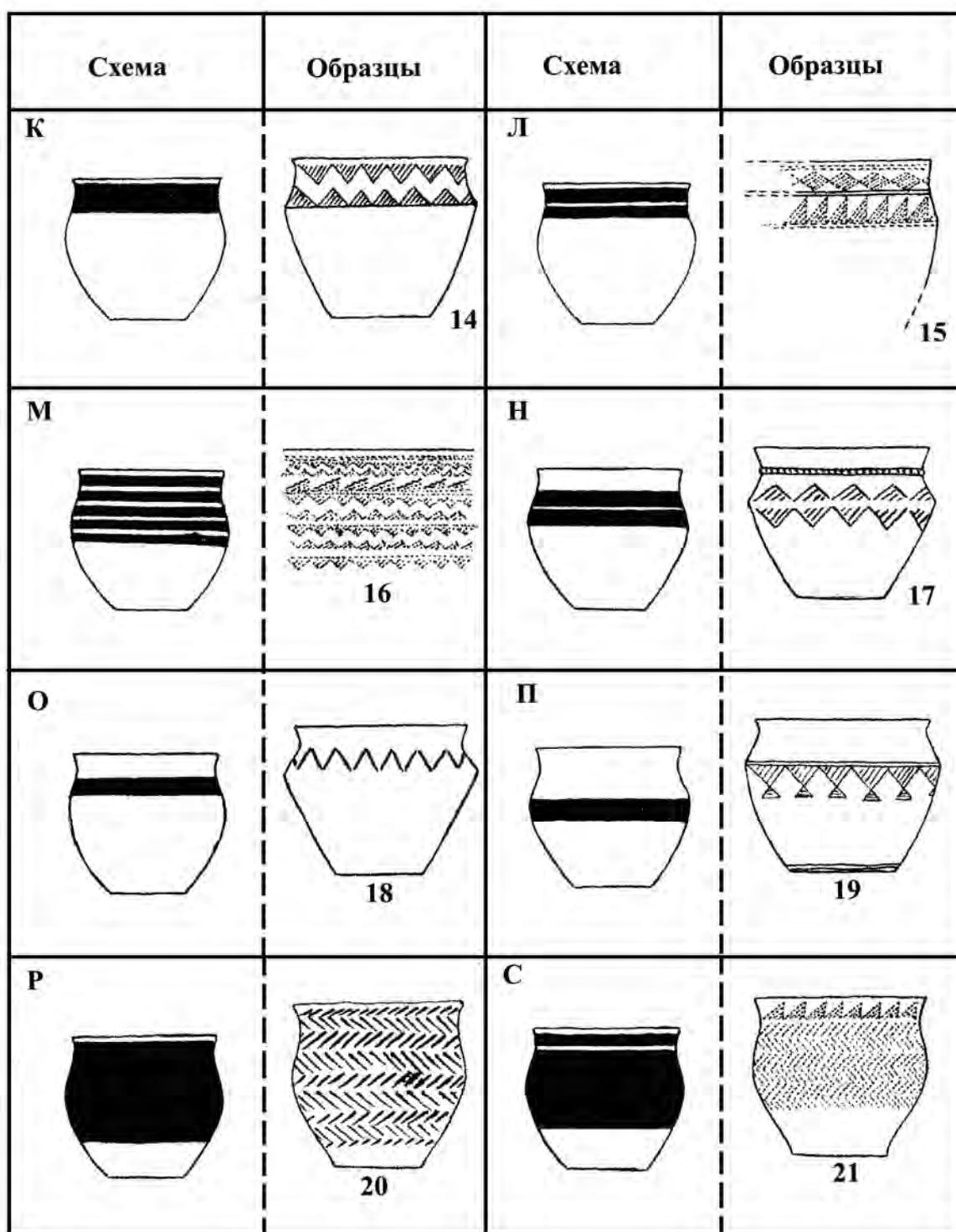

Рис. 1 (продолжение): 14, 19 – мог.Майтан; 15 – мог.Семипалатное; 16 – мог.Смолино; 17 – мог.Сатан; 18 – мог.Верхняя Алабуга; 20 – мог.Акмола; 21 – мог.Преображенка-3.

Fig. 1 (continuation): 14, 19 – necr.Mitun; 15 – necr.Semipalatnoye, 16 – necr.Smolino, 17 – necr.Sutun; 18 – necr.Verhnaya Alabuga, 20 – necr.Akmola; 21 – necr.Preobrazhenka 3.

чужеродности на этих территориях и могут рассматриваться только как редкий импорт.

Таким образом, рассматриваемый признак может считаться характерным для алакульской орнаментики только на достаточно компактной территории Южного Зауралья (Южный Урал, р. Тобол, район Тургай и водораздел Тобола и Ишима) (рис.2).

Среднее Приишимье выделяется своей эклектичностью. В алакульских памятниках этого района (мог-ки Амангельды, Семипалатное, Аксайман, поселение Новоникольское-I) в достаточно больших долях представлены орнаментальные композиции как с пустой зоной – *западный тип зонирования* [Зданович, 1988, рис.25, 26], так и без таковой – *восточный тип зонирования* [Зданович, 1988, рис.44-46]. Географическое расположение этого района придает ему характер мембраны между алакульскими популяциями Южного Зауралья и Центрального Казахстана (да и, пожалуй, остальным алакульским миром). Ситуация в этом пограничье говорит о многом. Во-первых, активное культурное смешение здесь имеет локальный характер и, в целом, обычно для пограничных районов. Во-вторых, эта ситуация в Приишимье свидетельствует о сложившихся традициях различных алакульских популяций, их одновременности и достаточной обособленности даже в эпизодах смешения.

К этому надо добавить, что существующая версия о продвижении алакульцев на восток (в том числе и в Центральный Казахстан) должна основываться на иной базе доказательств, нежели недоказуемый факт эволюции “традиционной” алакульской орнаментики на новых территориях. Во всяком случае, относительно рассматриваемого признака можно сказать следующее. Рассуждая линейно, можно утверждать, что абсолютная значимость “пустой зоны” для западных алакульцев в новых условиях если и стала терять смысл, то, вероятно, это должно было происходить достаточно постепенно. Однако археологические исследования однозначно свидетельствуют, что орнаментальные композиции в Центральном Казахстане даже на раннеалакульском этапе (мог-ки Сатан, Нургай, Есенгельды, Шет-II, Шет-III) выполнены исключительно по вос-

точному типу зонирования [Чиндин, 1987, с.39, рис.1, 1, 2; Ткачев, 1987, с.28, рис.1, 10-13; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с.94-100, рис.65-67; 69; 70].

Скорее всего, формирование композиционного канона в алакульской орнаментике происходило уже после обособления ранних андроновцев еще на петровском этапе, о чем может свидетельствовать тот факт, что композиционный строй петровских орнаментов достаточно неустойчив.

Если смешанность алакульских памятников в Приишимье может быть объяснена достаточно обоснованно (географическая ситуация, конкретные археологические наблюдения), то подобная эклектика в Семиречье, где регулярно встречаются композиции как “восточного”, так и “западного” типа зонирования (мог-ки Арпа, Таутары) объяснений пока не находит [Максимова, 1962, с.37-56, рис.1; 2]. Этот географический район мог заселяться и заселялся алакульцами Центрального Казахстана (мог-к Бийликуль), но путь проникновения сюда южноуральского канона можно вычертить только гипотетически [Мотов, Карабаспакова, 1983, с.153, рис.1, 1-4]. Если подобное проникновение действительно осуществлялось, то происходить оно могло, в принципе, только одним маршрутом: Южный Урал – Тургай – р.Сарысу – р.Чу – Семиречье, Южный Казахстан. Но археологических свидетельств подобного марша мы пока не имеем.

Итак, можно констатировать, что из шестнадцати видов зонирования андроновских орнаментов можно сформировать два массива, маркируемые “западным” признаком – наличием пустой зоны в нижней части шейки и “восточным” – отсутствием подобной зоны. Поскольку речь идет *не о любой части сосуда, а о совершенно определенной*, можно утверждать, что независимо от того, заполнена эта зона орнаментом или нет, но она бесспорно для андроновцев *особо значима*. А это позволяет с известной смелостью предполагать, что, несмотря на явное зрительное различие в зонировании орнамента у западных и восточных алакульцев, единый признак алакульского зонирования существует, и его можно

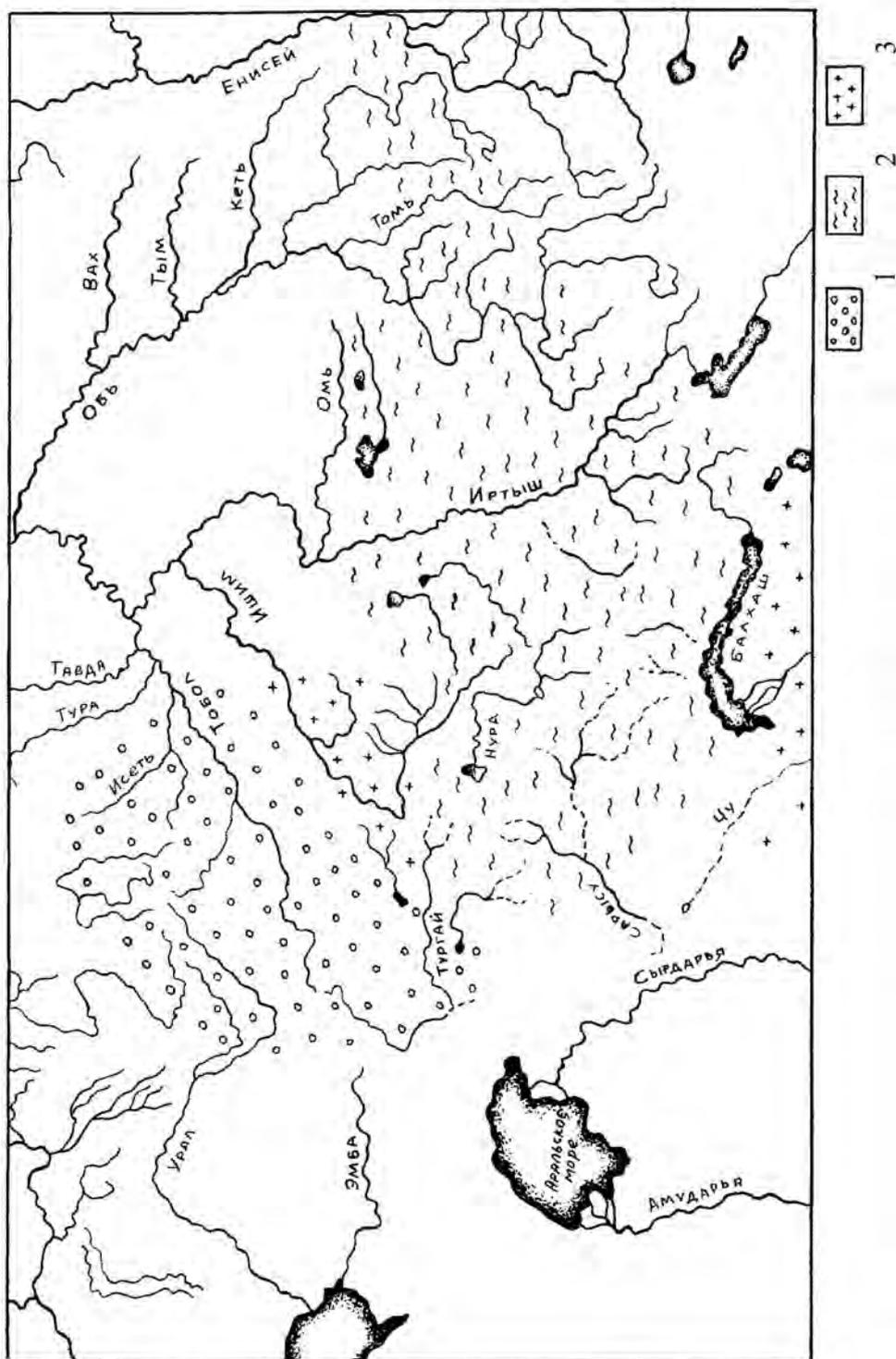

Рис. 2. Карта районирования андроновских орнаментальных композиций (1 – по признаку “пустой зоны”; 2 – по отсутствию таковой; 3 – районы смешения).

Fig. 2. The map of division to zones of Andronovsky ornamental composition (1 – according to the sign of “an empty zone”; 2 – according to an absence of zone; 3 – regions of the mixture).

сформулировать как *бинарно-переменная маркировка особой зоны орнаментальной композиции в нижней части шейки горшка*.

Остается открытым вопрос, имеет ли к этому контексту какое-либо отношение федоровский орнаментальный комплекс и если имеет, то какое место он там занимает.

В целом, федоровский орнаментальный комплекс, в отличие от алакульского, практически не структурирован ни по территориальному или хронологическому признакам, ни по субкультурным признакам. Занимая гигантские территории (от Урала до Енисея) федоровская культура, в орнаментальной ее составляющей части, выглядит чрезвычайно единообразной. Орнаментика федоровцев, как может показаться, пластична только по отношению к самой себе. Но это не совсем так.

Нас интересует, могла ли у федоровцев в их орнаментах нижняя часть шейки горшка иметь особое значение. Некоторые наблюдения дают основания предполагать, что да. Об этом свидетельствуют федоровские памятники, исследованные на территории “западных” алакульцев. Традиция приписывать признак пустой зоны только алакульским орнаментам (хотя бы даже и “западным”), возможно, не позволяла исследователям акцентировать внимание на том, что федоровские орнаменты Южного Урала достаточно часто содержат в себе признак “пустой зоны” (поселение Ук-III, мог-ки Федоровский, Лисаковский). Это алакульское заимствование в федоровских орнаментах далеко не абсолютно и чаще всего встречается на смешанных алакульско-федоровских памятниках. Тем не менее, показательно, что подобного рода культурные компромиссы допускались и происходили именно в данной части орнаментальных композиций. Нелишне будет вспомнить (хотя это и выход за рамки темы), что федоровцы, демонстрируя определенную гибкость, восприняли на востоке своего ареала практику изготовления граненых сосудов то ли у окуневцев, то ли у самусьско-кротовского населения. Это косвенно может свидетельствовать, что федоровцы сформировались в условиях уже существующей традиции “восточного

типа зонирования” и, придя на Южный Урал откуда-то с востока, приспособились среди алакульцев-автохтонов.

Факт единства алакульской культуры по некоторым признакам структурной организации в орнаментике не исключил ее разделения на две основные территориальные группы по типу зонирования орнаментов на горшках – урало-тобольскую (западную) и центрально-казахстанскую (восточную). Это разделение практически идеально коррелируется с результатами исследований В.Г. Ломана [Ломан, 1993, с.28-29], доказавшего, что определенное единство у алакульцев по признаку начина (донно-емкостный) не исключило их разделения по иному технологическому признаку. Согласно его наблюдениям, формирование сосудов у “северных” алакульцев (западных, по нашему определению) осуществлялось на формах-основах, представлявших собой монолитные болванки, обтянутые тканью или кожей, либо перевернутые сосуды. “Центрально-казахстанские” же алакульцы (по нашему – восточные) предпочитали формировать свою керамику внутри форм-емкостей, вероятней всего – сосудов.

Кроме того, есть одно наблюдение (его, безусловно, еще следует доработать) относительно “пристрастий” западных и восточных алакульцев к определенным орнаментальным фигурам.

В Центральном Казахстане (до Прииртышья включительно) тема свастики (в “чистом”, редуцированном, или “утяжеленном” видах) встречается почти исключительно в орнаментах федоровской культуры. Алакульская же керамика, на которой свастические фигуры все же появляются, не просто редка: это все та же импортная керамика с признаком пустой зоны.

А вот на иных алакульских территориях, откуда исходит этот импорт (Южное Зауралье и, отчасти, Южный Казахстан), свастические фигуры с одинаковой частотой наблюдаются как в федоровских, так и в алакульских орнаментальных композициях.

Итоги статьи могут быть изложены в следующем виде.

Количество видов-инвариантов андро-

новского орнаментального строя укладываются в пределах двух десятков, и они подразделяются на две большие группы: с неорнаментированной зоной в нижней части шейки с одной стороны и композиции, где эта зона орнаментирована.

Дислокация этих признаков строго региональна: признак “пустой зоны” характерен только для Южного Зауралья, на остальной территории этот признак не является доминирующим или отсутствует вовсе.

Значимость выделенной зоны является признаком алакульской орнаментальной культуры. Этот признак у алакульцев мож-

но назвать бинарно-переменным.

Бинарно-переменный способ выделения особой зоны в орнаментальных композициях у федоровцев не являлся характерным, но эпизодически допускался в зоне совместного с западными алакульцами проживания.

Территориальное размежевание алакульцев на две автономные группы по выделенному бинарно-переменному признаку может стать дополнительным аргументом в пользу более глубокой дифференциации алакульской культуры, принимая во внимание хорошую корреляцию наших наблюдений с результатами исследований В.Г. Ломана.

ЛИТЕРАТУРА

- Зданович, 1988:* Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей / Г.Б. Зданович. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 184 с.
- Кадырбаев, Курманкулов, 1992:* Кадырбаев М.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки / М.К. Кадырбаев, Ж. Курманкулов. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 247 с.
- Кузьмина, 1985:* Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Е.Е. Кузьмина // Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – Вып.9. – М., 1985. – С.24-45.
- Ломан, 1993:* Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э. / В.Г. Ломан. Автореф.дис... канд.ист.наук. – М., 1993. – 32 с.
- Максимова, 1962:* Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары / А.Г. Максимова // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – Т.14. – Алма-Ата, 1962. – С.37-56.
- Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966:* Маргулан А.Х. Древняя культура Центрального Казахстана / А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.
- Матвеев, 1998:* Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья / А.В. Матвеев. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.
- Мотов, Карабаспакова, 1983:* Мотов Ю.Л. Могильник Бийликуль – памятник ранней бронзы Южного Казахстана / Ю.Л. Мотов, К.М. Карабаспакова // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С.152-158.
- Рудковский, 1989:* Рудковский И.В. Типы зонирования в андроновском орнаменте / И.В. Рудковский // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 1989. – С.4-55.
- Рудковский, 1997:* Рудковский И.В. Мотивы в орнаментике / И.В. Рудковский // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: ТУСУР, 1997. – С.119-125.
- Рудковский, 2003:* Рудковский И.В. Системообразующие инварианты андроновской орнаментики / И.В. Рудковский. Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. – 24 с.
- Рудковский, 2005:* Рудковский И.В. Симметрия андроновских орнаментов / И.В. Рудковский // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. – Томск: Изд-во Томского ун-та. 2005. – С.166-177.
- Сальников, 1967:* Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала / К.В. Сальников. – М., 1967. – 408 с.

Тарасов, 1982: Тарасов Л.В. Этот удивительно симметричный мир / Л.В. Тарасов. – М.: Просвещение, 1982. – 176 с.

Ткачев, 1987: Ткачев А.А. Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана / А.А. Ткачев // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 1987. – С.25-35.

Чиндин, 1987: Чиндин А.Ю. Относительная хронология могильников эпохи развитой бронзы / А.Ю. Чиндин // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 1987. – С.36-42.

Rudkovsky I.V.

Types of zone division of Andronovo ornaments as cultural and territorial markers

The paper analyses problems of differentiation of Andronovo archaeological monuments. The structure of Andronovo ornament is considered as the basis of analysis. Specific ornamental signs had been distinguished and sub-ethnic territories were defined according to them.

Keywords: *Andronovo culture, pottery, decorative pattern.*

Рудковський І.В.

Типи зонування в андронівських орнаментах як культурно-територіальні маркери

У статті аналізуються проблеми диференціації андронівських археологічних пам'яток. Структура андронівського орнаменту розглядається у якості основи аналізу. Виділяються специфічні орнаментальні елементи, згідно яким визначаються субкультурні території.

Ключові слова: *андронівська культура, посуд, орнамент.*